

смерти Владимира, написанной с реальными подробностями, развивающими данные летописной повести 1015 г., и влагает в уста Бориса народный плач, проникнутый подлинной человеческой печалью и скорбью по умершем отце и тревогой о коварных замыслах брата Святополка.¹¹² Далее¹¹³ живо переданы колебания и размышления Бориса о том, что дало междукняжеское соперничество его отцу и братьям, о бренности богатства и власти. Он грустит о своем обреченном красивом теле и льет слезы, и все оплакивают его, и только в конце размышлений, как бы между прочим, звучит утешительный мотив, что, если он падет от руки брата, то «мученик буду». При некоторой растянутости все эти размышления очень человечны и естественны, они подкупают читателя живыми психологическими чертами и трогают его сердце. И снова рядом со светом — мрачная тень: мастерски описанные, опять-таки на основе летописной повести, переговоры Святополка, совещающегося ночью с Путьшей и вышгородскими боярами об убийстве Бориса. Это — черные силы, «собирающие беззаконие», это — не «род правых».

Сопоставляя с этим текст «Чтения»,¹¹⁴ находим несравненно более отвлеченное, книжное изложение: картины смерти Владимира с ее бытовыми деталями нет; вместо скорбного плача Бориса — холодный ритуал прощания с умирающим: он «пад поклонися отцю своему и облобыза честней нозе его, и паки вьстав, обуим выю его, целоваше съ слезами»; когда же Борис узнал о смерти отца, снова в его устах обычная церковная молитва, вместо реальной и драматичной картины заговора Святополка с предателями вышгородцами — библейская параллель с Каином и отправление безликих «мужей неистовых» на убийство Бориса.

И вот ключевое событие рассказа — убийство Бориса.

В «Чтении»¹¹⁵ — две силы: «блаженный» Борис и «окаянный» Святополк. Неизвестно, где застала Бориса весть о приближении убийц; он останавливается покорный божьей воле; он отвергает предложение дружины выступить против Святополка, так как это нарушит божий промысел и поведет к напрасной гибели «толику душь», и отпускает дружину. Далее — ожидание смерти, церковная служба в шатре, которой якобы не дерзнули нарушить «нечестивии». Наконец, — гибель Бориса и некоего безымянного слуги, пронзенного над его телом, последний выход Бориса из шатра, его молитва, смерть и погребение в Вышгороде. Темп рассказа Нестора равномерен, почти бесстрастен, его повествование дает лишь скупой скелет событий, освобожденный от живой ткани деталей и чувств.

В «Сказании»¹¹⁶ трагическая развязка приближается замедленно, напрягая внимание и чувства читателя. Этот темп особенно ощутим после быстрого ритма вступления к «Сказанию». Он усиливает ощущение тревожного ожидания. Извещенный о посланных убийцах, Борис «стал на Лыте шатры». Дружина, узнав, что он не хочет бороться со «старейшим» Святополком, сама покидает Бориса на произвол судьбы, и он остается с горсточкой отроков, «в тузе и печали, удручьнымь сьрдьцьмь».¹¹⁷ Все произошло просто и естественно — для божьего промысла нет места. В шатре Борис вспоминает «мученье и страсть» святых Никиты и Вячеслава и успокоительные сентенции Соломона. Однако эти явно книжные моменты мотивированы скорбными переживаниями героя, ими он «утешаа-

¹¹² Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 29.

¹¹³ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 31.

¹¹⁴ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 7—8.

¹¹⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 9—11.

¹¹⁶ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 32—37.

¹¹⁷ Ср. «онема ту пребывающема в печали и тузе» в рассказе Лазаря об узниках.